

В.А. АДЮШЕВ

(Тезисы)

Введение

Никто так и не ответил мне на этот вопрос. Лаконично, емко и по сути. Как будто ответ намеренно замалчивается, как если бы на него было наложено табу. Как будто он настолько неприглядный для ожидаемо возвышенного, что низвергается вплоть до нецензурного. Для кого-то, собственно, и сам вопрос из категории настолько нецензурных, что даже мысль об ответе на него — суцая непристойность. Просто уникальный случай, когда познание откровенно признается грешным занятием! Но если знание отвратно, то что приходит на его святое место? Очевидная альтернатива — вера. Проблема, однако, в том, что даже идущая от сердца искренняя вера — субъективна, и потому выискивать в ней объективный ответ, разумеется, совершенно бессмысленно.

Между тем недооценивать буквально злободневность вопроса было бы весьма опрометчивым. Трагизм его неразрешенности состоит в том, что оставаясь в тени непознанного, заключенное в вопросе явление, призванное объединять, становится причиной глубокого разобщения, о чем свидетельствуют частые вспышки священных баталий (холиваров): от жарких непримиримых дискуссий за столом или в виртуальной реальности до вооруженных кровопролитных конфликтов. Получается, чураясь зла невинного в познании, мы порождаем зло неимоверно большее.

Впрочем, не следует понимать превратно: вера сама по себе не несет зла, по крайней мере, когда она не подменяет насущное знание и не препятствует ему. Более того, вера возможна как предтеча просвещения.

Мой опус не претендует на оригинальность или научность, поскольку я не являюсь специалистом в области, предмет которой я хотел обсудить. Более того, я не обладаю достаточной эрудицией, чтобы даже оценить степень наивности или серьезности своих суждений. В частности, именно потому я не обращаюсь к научным трудам иных авторов по обсуждаемой теме, на фоне которых я мог бы высветить свою новизну.

Я вполне осознаю, что излагаемые мною мысли не являются продуктом великого спонтанного откровения из чистого воздуха, к тому же признаю, что своей оформленностью эти мысли во многом обязаны моему знакомству с работами известных психоаналитиков, ярких представителей экзистенциализма: З. Фрейда, Э. Фромма, А. Адлера.

Но, главным образом, они обязаны создателю аналитической психологии, К.Г. Юнгу, который, если можно так выразиться, неявно подсказал их. Интересно, что сам Юнг как исследователь религий, по моему мнению, был очень близок к откровению.

Наводящие вопросы

Пересмотреть этот вопрос и выйти из плоскости традиционных ответов на него меня побудил иной: возможен ли вообще Бог без человека? Если да, то возникает следующий, уже риторический вопрос: каков тогда Его смысл и назначение? Если нет, то выходит, что человек является Его необходимым условием. Кто-то увидит в этом буквально принижение Его роли, хотя это не так. Конечно, получается, что Бог уже не над человеком и Он не автономен. Тем не менее, нетрадиционный взгляд, как это ни покажется странным, совершенно не умаляет Его значимости. К тому же, она становится еще более ясной и более величественной. Человек, как и в ортодоксальном воззрении, остается творением Божьим. Бог создал и продолжает создавать человека, в то время как человек иницирует Творца.

Я также исходил из безусловного для меня убеждения, что Бог является объективной и повседневной реальностью человека, суть которой, однако, оказывается трудно достигаемой вследствие Его самых разнообразных проявлений.

Например, частным (но очень важным) проявлением Бога является любовь. Причем в широком смысле этого слова. Как то любовь сексуальная или духовная, к себе или другому, к представителю противоположного пола или просто другу, к жизни или работе. Даже в любви Он разный. Найдите общее в частном, и вы поймете, что есть любовь. В то время как именно через любовь познается Он.

Исполненный любовью знаком с Богом и, казалось бы, если каждый когда-то имел опыт любви, так в чем же проблема? Знание любви — грандиозное и потрясающее откровение, которое непреложно ведет к знанию Бога. Однако проблема-то как раз состоит в том, что далеко не каждый переживший любовь знает, что это такое.

Когда мы говорим о любви, мы фактически обращаемся к своему личному опыту, в котором любовь открылась нам явно. Мы говорим не о сути предмета, а о том каков он может быть в тех или иных условиях. Невзрачную прозу мы облачаем поэтическим слогом, за которым, собственно, и оказывается сокрыт смысл любви. Истину мы подменяем правдой, которая у каждого своя.

Незыблемое понятие

Познание изменяет восприятие мира. С каждым днем мы смотрим на мир по-новому: он динамичен, он развивается, и мы пытаемся поспевать за ним. Тем не менее, некоторые объекты этого мира, даже суперэкзистенциального порядка, для нас по-прежнему остаются в архаичной обертке. И Земля уже не плоская, и мир не центричен, и гравитация не притяжение, но незыблемым остается такое фундаментальное понятие как Бог. Почему?

Верят, когда не знают

Понятие Бога зиждется на Его восприятии. Между тем восприятие Бога разнообразно. Бог — это образ, личность, суперличность, природа, суперприрода и так далее. Что в этом современного? Неужели предки думали иначе? Разнообразие восприятий (а потому и пониманий) Бога фактически свидетельствует о Его незнании, что как раз объясняет, почему в Него верят. Верить можно как в то, что Бог существует (точка зрения ортодоксально верующих), так и в то, что Его нет (точка зрения атеистов). Интересно, ведь получается, что и атеисты — тоже верующие.

Верят, когда не знают. Вывод этот, вообще говоря, эмоционально не окрашен. В этом нет ничего предосудительного.

Мы, небесные механики, например, говорим: астероид столкнется с Землей с вероятностью 5%. Мы не знаем, столкнется ли вообще астероид с Землей или нет, но мы верим, что столкнется с вероятностью 5%, и верим, что не столкнется с вероятностью 95%. Для этого у нас есть соответствующий математический аппарат, а именно теория веры, которую официально принято называть теорией вероятностей. Мы осознанно признаем свое незнание, поскольку наблюдения астероида не дают точной информации о его текущем движении, а потому мы не гарантируем точный прогноз. Мы признаем свое незнание, и потому можем только верить в исход события.

Ортодоксально верующие бы в таком случае помпезно заключили: на то воля Божия! Однако не нужно приписывать Богу то, что находится в компетенции природы.

Действительно, ведь любая случайность, которая имеет свою вероятность и в которую, кстати, можно верить, является не чем иным, как наложением многочисленных мелких природных закономерностей, которые просто практически невозможно уловить.

В любой динамической системе случайные процессы, которые налагаются на «видимые» закономерности, воспринимаются как проявление некой иррациональности или спонтанного надприродного (хотя и неясного) умысла, что обычно воспринимается как свойственное нечто живому (хотя и скрытому), и потому кажется, что система живет своею жизнью (хотя и непонятно, каков ее смысл).

Если человек окунается в подобную систему или конгломерат многочисленных подобных систем, он буквально везде и всюду будет находить подтверждение существования надприродного или сверхприродного, что в действительности является не чем иным, как игрой случайностей. Но даже если ортодоксально верующие отводят Богу такую роль, не слишком ли она мелочная для Него?

Что есть Бог

Атеисты утверждают: Бога нет. Верующие настаивают: Бог есть. Кто прав? Атеисты неправы уже по той причине, что они не учитывают очевидный факт: если Бога нет, то и самого понятия Бога никогда бы не было. В нем просто не было бы нужды. Слово не появляется без надобности. Оно назначается и закрепляется за вполне определенным явлением (или предметом) человеческой реальности.

Значит, правы верующие? Тоже нет. Почему? Потому что они прибегают к образу. Не важно, оформлен он или аморфен, материален или духовен. Образ или некую субстанцию имеют в виду и атеисты. Однако ни верующие, ни уж тем более их оппоненты, никто из них воочию этот образ никогда не видел. Никто не слышал его глас, никто явно не чувствовал его прикосновение.

Если неправы ни те, ни другие, то отрицание положений верующих и атеистов неизбежно приводит к утверждению: Бог действительно есть, но Он не образ, не предмет, не форма, не личность или сверхличность. Так что же? Дело в том, что мы не там ищем. Мы должны искать Его в иных категориях. Подобные вопросы и рассуждения подводят к главной констатации опуса.

Бог — это действие. Не любое, но действие к соединению. Бог — это синтез, по крайней мере, двух сущностей, в результате чего рождается новая третья.

Синтез двух сущностей и его результат выражается простой арифметической формулой: $1 + 2 = 3$. Первая сущность — это человек (внутренний мир); вторая — природа, в том числе и другой человек (внешний мир); третья — Иисус. Роль Бога в этой формуле очевидна. Он — бинарная операция сущностей, которая символично предстает как священный крест.

Присутствие человека как первой сущности в синтезе обязательно. Иной синтез объясняют законы природы, и Бога в нем нет. Именно с появлением человека появляется Бог, поскольку инициатива к синтезу проявляется именно со стороны человека как первой сущности. Человек — Его необходимость, однако и Он, как синтез с природой, — необходимое условие человека. В этом смысле Бог действительно создал человека и продолжает создавать его. Однако и последний, в свою очередь, перманентно иницирует первого.

Осязаемый пример арифметической формулы $1 + 2 = 3$ — мастер (художник) + материал (глина) = произведение (скульптура). Фактически к этому примеру может быть сведен любой другой. Как видно, творчество — это именно то главное, что присуще божественному промыслу как синтезу сущностей, человека и природы.

Такая концепция Бога с очевидностью отрицает Его троичность Отец–Сын–Святой Дух. Бог вообще вне ее. Если Дух рассматривать как идею, исходящую от Отца (человека, первой сущности) и воплощаемую в природе (второй сущности) через Бога, в результате чего рождается Христос (третья сущность), тогда, скорее, Бог — буквально квинтэссенция (от лат. quinta essentia — пятая сущность) в связке Дух–Человек–Бог–Природа–Христос.

Смысл Бога

Почему Бог, как действие к синтезу, необходим человеку? Какая в этом фундаментальная и насущная проблема для него? Человек ограничен в пространстве и, что важно, во времени. Он знает, что смертен, и это довлеет над ним. Насущная проблема как раз состоит в том, чтобы преодолеть свою временную ограниченность. Человек понимает, что его бессмертие физиологически невозможно. Тогда как человек может увековечить себя, свою внутреннюю природу?

Очевидно, только путем синтеза с внешней природой, чтобы оставить отпечаток в ней, уносимый в века. Так человек преодолевает не только временную ограниченность, но и, очевидно, пространственную.

Преодоление ограниченности в пространстве является само по себе актом самостоятельным вне зависимости от разрешения ограниченности во

времени. Человек желает быть больше, чем он есть в действительности. Он желает чувствовать свое полноценное присутствие в ней как значимая ее часть. Однако это вхождение в мир также возможно только через синтез с ним, через божественное деяние.

Но всегда ли и каждый ли человек испытывает нужду в Боге? Разумеется, нет. Нужда возникает лишь в том случае, когда пространственно-временная ограниченность осознается явно и ясно, когда разрешение конфликта между внутренним и внешним становится жизненно необходимым. Все это приходит с возрастом, определяемым не столько прожитыми годами, сколько чередой пережитых важных судьбоносных обстоятельств.

Следовательно, основной контингент, не нуждающийся в Боге, — это дети. Не в смысле физиологической зрелости, но в смысле менталитета.

Пока ребенок не вырван из лона природы в лице своих родителей или иных попечителей, которые обеспечивают ему тихую гавань, чадо не обременено тревогой, вызываемой природной ограниченностью, поэтому объективно у него нет никакой мотивации для обращения к Богу. Между тем нужда в Нем возникает с возрастом, после того как в силу вынужденных обстоятельств живые связи с близкими разрываются и девственная личность впервые знакомится с одиночеством, в котором с очевидностью открывается конечность личности. Тогда то и назревает разлад с внешним миром, который Он, собственно, и разрешает.

По этой причине божественное деяние, в каком бы возрасте оно не совершалось, всегда сопровождается ощущением возвращения в детство, к умиротворению и внутренней гармонии. Благостно ощущение раннего детства, когда не было никакого конфликта, и внутреннее пребывало в гармонии с внешним. Когда, казалось бы, весь внешний мир сквозил внутри нас, и он принадлежал нам, и мы даже не задумывались о том, что есть Бог и зачем Он нужен.

Таким образом, нужда в Боге, в Его познании индивидуально исторична для каждого человека. Если в детстве мы не испытываем потребности в богоискании, то далее насущность неразрешенного вопроса: что есть Бог? — зреет с возрастом.

Религия

Весьма уместно вспомнить происхождение слова религия: religare от лат. «воссоединяться». Религия — это воссоединение человека с природой. Не с Богом, как принято считать (что, кстати, алогично в контексте предлагаемого Его определения), а с природой-матерью, которая много веков назад отказалась от своего дитя, по-видимому, вследствие его аномального происхождения. Человечество выродилось в малое инородное тело, возможно, как некое генномодифицированное образование в бесконечно целом когда-то гармоничном организме, который по сей день пытается избавиться от этой патологической и ненужной для него части. Именно отторжение природой из своей обители как раз и явилось для человека тем самым обстоятельством осознания своей конечности в огромном отчужденном мире.

Тем не менее, как бы природа не пыталась отвергнуть человека, он неотвратимо все также остается ее частью, и чтобы разрешить этот жизненно важный конфликт с природой, чтобы порой просто выжить в ее среде, человек вынужден вступать во взаимопроникновенный диалог и конструктивное взаимодействие с ней для восстановления утраченных родственных связей.

Природа везде и всюду: это не только природа вне человека, это и все человечество в целом, это и внутренний мир каждого из нас. Диалог с природой естественной возможен и реализуем через научное познание.

Ненамеренно суждения подводят нас к весьма обескураживающему выводу: наука по своему назначению и смыслу также является религией, как бы одно не противопоставляли другому.

Религия как акт творческий тождественна Богу. Что же рождается в научно-религиозном акте? Третья сущность — это преобразованная сообразно человеку часть природы. Искусственная природа, продолжающая природу естественную. Культура человека, естественная среда его обитания. Транзитивная зона между человеком и природой.

К настоящему времени наука позволяет нам уже в достаточной мере понимать природу вне человека. Между тем в отношении же к неестественной ее части, социальной и духовной, до сих пор возникают серьезные проблемы, где лобовой естественнонаучный подход не срабатывает, и потому основной функцией современной ненаучной религии как раз является налаживание диалога человека с аномальным в природном, иначе говоря, с другим человеком и с самим собой. Приведение аномального мира к состоянию гармонии — вот в чем актуальная задача современной религии, хотя глобально она не разрешима в принципе: аномальное никогда не станет нормальным.

Что есть Дьявол?

Когда дан ответ на вопрос: что есть Бог? — логично назревает иной, не менее фундаментальный вопрос: что есть Дьявол? Впрочем, ответ на него к настоящему моменту уже оказывается совершенно очевидным. Дьявол как противоположность Бога — это деструктивное действие человека, лишаящее формы, содержания и жизни.

По аналогии с формулой Бога, формула Дьявола обратная — $3 - 1 = 2$. Как видно, схожесть Дьявола и Бога состоит в том, что оба они — действия первой сущности, направленные на природную сущность. Поэтому, если побуждающая причина и конечный результат действия человека не ясны, очень сложно определить, что есть что. Более того, божественный промысел может трансформироваться в дьявольский и наоборот. Ведь хорошо известно, что даже конструктивные мотивы могут привести к деструкциям.

Нужно иметь мудрость и богатый жизненный опыт, чтобы узреть дьявольские последствия своих действий. Для того и должны мы знать, а не верить, что есть Бог.